

Александр Евгеньевич Разумов –

старший научный сотрудник Института философии РАН

*Никто желанной воли не найдет
До той поры, пока не подойдет
К пределам жизни и искусства.*

Микеланджело

Каменистая тропа свободы

Предлагаю начать разговор о путях свободы, вспомнив о гении Микеланджело Буонарроти, чтобы сразу же оказаться на одной из вершин истории. Для темы моего повествования важно то, что архитектор, скульптор, живописец и поэт Высокого, затем Позднего Возрождения явился ярким носителем той главной, самой фундаментальной из всех человеческих свобод, которая сопровождает человека весь его путь к «пределам жизни».

Об этой свободе поговорим в конце, не стоит забегать вперед.

■
Позвольте вначале внести некоторую ясность в постановку вопросов. Подобно другим общим понятиям свобода вбирает в себя многие смыслы, отличается большим числом до-

пустимых истолкований, не всегда между собою согласных и совместимых.

Свобода воли, свобода выбора, свобода слова, свобода совести, свобода мысли, «свобода от» и «свобода для» – это все разные свободы. В России еще недавно свобода слова замещалась простой болтовней, а раньше бывало, что и «орево стояло» (Всеволод Мейерхольд), причем не только в театре. Свобода шествий, митингов, собраний, свобода выборов провозглашалась Конституцией во времена самой махровой деспотии. Стремление освободиться от давящего гнета государства может обернуться непредвиденным «хамодержавием» (Константин Станиславский). Замечательная свобода совести может сопровождаться плясками девиц в храме. Так что коль скоро история предлагает разные

толкования свободы, то и мне следует соблюдать аккуратность в употреблении этого понятия. Бесспорно то, что для пользы свободы следует ограничить ее некоторой необходимостью, логикой мысли, если получится, и строгими, неизменными, когда это возможно, значениями принятых терминов. Но надлежит разобраться не только с этим. Следует проникнуть в глубинный смысл понятий и в эволюцию смыслов.

Станем считать свободой возможность преодоления любых форм и видов внешней по отношению к «я» детерминации, возможность человека-субъекта принимать решения, затем действовать с целью достижения желаемых результатов и возможность отказываться от любых действий. Необходимо различать свободу как объективную характеристику определенных деятельных форм человеческой активности и свободу как состояние личности, как ее субъективные переживания. Популярная у нас «свобода как осознанная необходимость» — частный случай свободы и понимания свободы.

Толкование свободы, которое обязано охватить феномен в целом, стремится включить самые разные свободы, часто противоречащие друг другу экзистенциальные смыслы. Поэтому соединить все фрагменты можно только в какой-нибудь абстрактной модели, в теоретическом построении, где многозначные, паранепротиворечивые логики и истины будут соседствовать с вероятными результатами. Правда, в практической полезности подобной конструкции позволю себе усомниться.

Конечно, во все, что касается собственных свобод, человек привносит факторы веры и интуиции, исторически и ситуационно изменчивую личную и групповую мотивацию,

Даниэле да Вольтерра. Микеланджело. 1560 год

Микеланджело Буонарроти, архитектор, скульптор, живописец и поэт Высокого, затем Позднего Возрождения, явился ярким носителем той главной, самой фундаментальной из всех человеческих свобод, которая сопровождает человека весь его путь к «пределам жизни».

а значит, дополнительную неопределенность. Мотивация может отклонять поведение от статистически ожидаемого. Она способна подвигнуть на поступки, которые станут отличаться от прогноза, основанного на анализе «объективных причин». Особенно если имеющиеся неопределенности дополнить, подключив к ним политические, экономи-

ческие, финансовые, идеологические мотивы и измерения свободы. Мотивы вносят дополнительные вероятности в анализ поведения. Все так. И все же историческая наука мало похожа на квантовую механику. События истории совсем не напоминают причудливые танцы элементарных частиц, внезапные появления из пустоты и исчезно-

XX столетие является пока чемпионом истории по количеству смертоубийств. Человек страшнее всех видов оружия, которые сам он придумал, опаснее термоядерной «слойки» гуманиста Андрея Сахарова, ибо он не останавливается на достигнутом.

вения неизвестно куда. События истории более определенны и доступны сознанию. Если правы те, которые сомневаются в существовании Абсолютного Наблюдателя, то человек полностью несет ответственность за дарованную ему Природой свободу. Понятно при этом, что свобода человека может быть тем полнее, чем глубже он познанием проник в физику, биологию, социологию окружающего, в психологию своего внутреннего мира. Хотя если существует Абсолютный Наблюдатель, он также не снимает с нас задачу, используя синтетические знания, проникать в тайны Природы, или Творения.

■

Вместо абстрактных всеохватных конструкций, отслеживая неоспоримые достижения и пытаясь понять исходящие

от свободы угрозы, следует привлечь к изучению проблемы философию как представительницу синтетического знания, историческую память и саму историю.

Можно вспомнить, скажем, такие достижения в познании необходимости и такие угрозы собственной экзистенции, о которых знали наши далекие предки времен только еще утверждавшегося философского мышления. Этот путь зовет нас в глубину веков, к разным культурам и цивилизациям, к истокам формирования личности и морали. Историческая память возвращает нас во времена перехода от массово-архаических, коллективистских, этнических или локальных религий к религиям личностного спасения, к феномену, который мы называем мировыми религиями. Уже тогда наши предки стара-

лись ограничить свободу моралью, чтобы сделать ее более приемлемой и безопасной.

Интересно, что поиски моральных регуляторов поведения происходили в разных, иногда мало, иногда вовсе не связанных взаимовлияниями культурах, что указывает на закономерный общечеловеческий исторический характер проблемы. «Поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе» — это золотое правило морали встречается уже в ранних памятниках многих культур — у Конфуция, в «Махабхарате», в Библии. Аналоги золотого правила можно найти у Гомера в «Одиссее» и в «Этике» Аристотеля, они присутствуют в буддизме, в исламе, конечно, в христианстве. Потом в потоках истории свободы мысли все это трансформируется в похожие системы морали, но разные теории и разные практики. Вспомним, скажем, «априорный категорический императив» Канта, споры с ним и классовое несогласие,

«моральный кодекс строителя коммунизма» и т.п. Случались времена «свободы от» — вплоть до торжества свободы от морали и совести в России во времена сначала борьбы с «привилегиями», затем весьма инициативной приватизации «ничейной собственности», введения (едва ли не указами президента РФ) в стране демократии и гражданского общества, а также строительства правового цивилизованного (некоррупцированного) государства. Всегда до конца не ясно, какую из свобод человек предпочтет в итоге. А в итоге всех этих усилий образовался и существует правящий слой, которому, по слухам, обязаны своим сегодняшним благоденствием сельские врачи, школьные учителя, научные работники и представители других слоев граждан. Власти слухи не опровергают.

■

Свобода творит особую, специфическую историю. В ней не существует ничего однажды пройденного, к чему не стоит возвращаться мыслью. История, благодаря существованию свободы, — это сложный многомерный генезис, а не линейная последовательность этапов развития. Здесь следует не выбирать, а разыскивать проблемы.

История ведет человека каменистой тропой свободы, и камни на пути разбрасывает сам человек, его антропология. Пока главным врагом человека является сам человек. Новое порождение эволюции выпадало из общего порядка вещей. Речь не только о появлении сознания — феномена и предпосылки свободы. Речь о том, что генетическому Адаму не возбранялось в большом, всевозрастающем количестве истреблять собратьев по генетике, по «творческой эволюции», чего в животном

мире до него не случалось, но что он до сих пор проделывает. XX столетие является пока чемпионом истории по количеству смертоубийств. Человек страшнее всех видов оружия, которые сам он придумал, опаснее термоядерной «слойки» гуманиста Андрея Сахарова, ибо он не останавливается на достигнутом. Нетрудно предположить, что ныне специалисты исполняют заказ правительств по совершенствованию нанобомбы и психотронного оружия.

Не убежден, что к такому порождению эволюции можно прилагать понятие прогресс. По сообразительности, положим, австралопитек с синантропом уступали мне и моему современнику. Зато им никогда не пришло бы в голову хранить впрок тонны возбудителей бубонной чумы и сибирской язвы, годами сберегать емкости с ипритом и люизитом, с другими подобными практическими приложениями биохимии, а также загружать в моря ржавеющие емкости с отравляющей дрянью. Иногда возникает желание откорректировать международным законодательством неудержимое стремление познать мир. Тем более что, как выясняется, биологическая эволюция (трансмутация) человека продолжается и затрагивает даже тонкие структуры мозга. Унаследовав у животного мира способность к агрессии, мы раскрасили «архаику» цветами собственной мысли и изобретательства.

Свободу насилия и убийства генетического брата пытаются ограничить моральные заповеди, опирающиеся на авторитет Бога. «Не убий», «не укради», «люби ближнего твоего, как самого себя». Последнее, правда, относится только к «сынам народа твоего». Жалко, что замечательные заповеди адресованы прежде всего своим — своим по рели-

гиозной, этнической, национальной и иной групповой принадлежности. Задание с симпатией относиться к другому со временем осложнилось тем, что между собратьями утвердилось разделение видов деятельности, форм и способов присвоения результатов физического, а затем и умственного труда, социальных групп, групповых интересов и группового сознания. А все это вместе сильно затруднило и до сего дня затрудняет дорогу к общей свободе и сильно отодвигает торжество ноосферы, как ее понимали, к примеру, Владимир Вернадский или Тейяр де Шарден. Пока человек больше способствует деградации окружающей среды, приближая неотвратимость экологической катастрофы. Об этом не уставал предупреждать Никита Моисеев, оставляя открытым вопрос: «Быть или не быть... человечеству?» Климатические аномалии последних лет происходят явно не без участия антропогенных факторов.

Моисеев и другие ученые предупреждали о возможном «парниковом эффекте» и глобальном потеплении в результате выброса в атмосферу большого количества диоксида углерода. Надо бы в этом случае ограничить, а лучше устранить свободу выбора вовсе. Прodelать это, однако, совсем не просто. Здесь в тугой узел завязались индустриальный путь цивилизаций (главный поставщик диоксида), сверхприбыли монополий, мировые финансы, а также блага, которые несет индустрия. Так что упрощать проблему не следует, но осознать ее как одну из главных проблем глобализма — надо. Поддаваться алармистским настроениям не стоит, но что-то слишком вяло вмешивается в поиски возможных вариантов решений всечеловеческий

Илья Репин. Пахарь. 1887 год

Творчество образует главный смысл жизни. Творцами могут быть кузнец и хлебороб, созидаящий гармонию звуков, красок и слов, гармонию в камне и бронзе, познающий мир и стремящийся его сохранить или переделать к лучшему.

Коллективный Разум – Мировой Нус, так сказать. Как этот мировой ум активизировать – не знаю, но ясно, что течение эволюционного процесса следует направить в другое русло. Необходимо пробудить в мировом разуме новое политическое и экологическое мышление. К этому, разумеется, следует привлечь авторитет и влияние определенных организаций.

■ Свобода от диктатуры внешних причин и обстоятельств не может быть независимой от целого ряда организаций. Даже самая интимная из всех человеческих свобод, а именно – свобода мысли, в отдельном «я» существует только вместе с незримо присутствующим в нем человечеством. И зависит она от того, что

«я» успел ухватить, странствуя мыслью по мирам времен и пространств. Роль организаций при этом трудно переоценить. Они ограничивают сферу моего свободного поиска, задавая его направления, и рисуют картину мира, где я обретаюсь, то есть весь мой Космос.

Организации (семья, школа, вуз, исследовательские и художественные школы, Академия наук и пр., Церковь, государство, политические партии и др.) формируют и воспитывают человека, предоставляя ему возможность соучастия в поисках истины и свободы. Правда, организации могут при случае не только прищемить мою индивидуальность мнением большинства или параграфом устава, но и в пыль растереть мою личность на какой-нибудь скрижали

веры. Реакция организации бывала особенно свирепой, если ее слуги начинали отрицать написанное на идеологических знаменах. Как это произошло, например, с «Героическим энтузиазмом» поэта и философа Джордано Бруно или со свободомыслием Галилея. Чтобы организации имели возможность участвовать в синергии, в самоорганизации, в бифуркации и свободе выбора, как утверждал лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин, желательно привнести в историю нравственную ценность субъективных, личностных свобод. Хорошо бы, чтобы задача освобождения личности стала целью всякой организации, но сегодня это слишком напоминает прекрасную утопию.

■ Еще недавно в России к Карлу Марксу многие обращали свои религиозные чувства. Считаю его выдающимся аналитиком и не имею ничего против того, чтобы «свободное

развитие каждого стало условием свободного развития всех». Но тогда идеологи с восторгом цитировали: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Трудно вообразить больший вариант обезличивания, чем тот, когда из человека изымается его сущность. Такая идеологема может служить подножием для любой тоталитарной системы. В этом смысле Сталин был вполне правоверным марксистом. Обезличенный человек шагает по всей политической истории Страны Советов. Мнение такого человека можно не принимать в расчет при выборе политических стратегий. Не потому ли ушла власть, и страна развалилась? Может быть, не столько от бескормизы и бедности, сколько от оскорбленного постоянным враньем чувства собственного достоинства граждан? «Все политические партии умирают, подавившись собственной ложью», — утверждал Марк Твен. КПСС подавилась ложью своих вождей — их чрезмерной свободой слова, если по нашей терминологии.

■ Для восстановления утраченного равновесия между человеком и природой, для проникновения в глубины Мирового Разума использовать влияние организаций непросто. Но сегодня положение меняется. Растет политическая активность народов, усиливается их независимость от произвола властей. Мы еще несем на себе родимые пятна прошлого, но уже начинаем понимать, что вершина политической власти редко бывает вершиной политического ума. И не только в нашей стране. Протестные движения, прав-

да, не всегда оправданны и разумны, и путь к свободе не близок. Как утверждал Лао-цзы: «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага». Можно начать с проблем сохранения условий для жизни, с экологии. Тем более что грозят неконтролируемый рост населения, истощение запасов питьевой воды и вызванные этими причинами вооруженные конфликты...

■ Мы начали с адресации к Микеланджело, сказав, что он явился носителем самой фундаментальной из всех человеческих свобод, потому что высшей из свобод является свобода творчества.

■ Творчество является главной отличительной особенностью, основополагающим началом, атрибутом личности. Человек в той степени является личностью, в какой в нем присутствует и реализуется творчество. Творчество образует главный смысл жизни, в нем содержатся ответы на вопросы, зачем «я» явился в мир и что хочу рассказать о себе другому. Творцами могут быть кузнец и хлебороб, созидающий гармонию звуков, красок и слов, гармонию в камне и бронзе, познающий мир и стремящийся его сохранить или переделать к лучшему. Не всякая личность являет себя миру в одинаковой степени. Одна проникает в глубины сознания, другая плещется на мелководье. Есть личности разных масштабов.

Но я знаю и верю, что пока сохраняется способность человека-личности к творчеству, смысл жизни для многих не будет сводиться только к пропитанию, карьерному росту и обладанию. Они продолжат свой долгий путь к свободе, на них мои главные упования и надежды.

Николай Бердяев писал о «безначальной свободе творчества», которая существует вне и независимо от Бога, о свободе как о внутреннем переживании свободы. Свобода для этого русского философа, которого называли философом свободы, «первичнее бытия», она лежит в основании его личности.

■ Завершаю свое повествование, сознавая при этом, что уместить неохватную проблему свободы в короткий текст невозможно, обозначу свой замысел как предложение методологии дальнейшего изучения темы, большого числа ее разнообразных составляющих.

Философия ищет стройность и простоту, взаимозависимость и гармонию всех слагаемых частей проблемы, независимо от разрывов, нестыковок и противоречий жизни. Нужна методология постижения проблемы свободы. Методология как система правил мышления, когда при рассмотрении проблемы можно обоснованно получать разные результаты и когда отсутствуют окончательные решения. Генезис и движение, эволюция смыслов, история и свобода, опасности и надежды — вот лишь неполный список относящихся к теме вопросов.

■ Экзистенция, жизнь вносят коррективы и дополнения, свои толкования абстрактных понятий. Будущее непредсказуемо, потому что идущие за нами сами выберут свои дороги. Но, может быть, будущее сотворимо совместными усилиями? Создать условия для свободных усилий наших потомков — может быть, в этом заключается наша роль, в том числе и наших интеллектуальных усилий в постижении путей свободы?